

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-4-14-22

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 141.319.8:159.9

Дата поступления: 10.10.2025

рецензирования: 25.11.2025

принятия: 02.12.2025

П.С. Вавилов

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

г. Казань, Российская Федерация

E-mail: pavlinblin@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0009-0000-6989-459X>

Патографический дискурс как стратегия жизнеописания: патография биографии и эхография нарциссизма

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию патографического дискурса в контексте современного философского осмысления биографического жанра. Цель работы заключается в анализе роли патографии как метода и формы интерпретации жизнеописаний в условиях цифровой культуры. В качестве методологического основания используются герменевтический, психоаналитический и медиафилософский подходы, объединяющие медицинское, гуманитарное и культурологическое знание. Эмпирическим материалом послужили случаи из интеллектуальных биографий философов и деятелей науки, а также современные теоретические тексты о цифровом субъекте. В статье выявляются эвристические возможности патографического анализа, раскрывающего пересечение телесного, психического и медиального уровней человеческой субъективности. Результатом становится обоснование того, что всякая биография в конечном счете носит патографический характер, поскольку соединяет свидетельства болезни, опыта и медиальной репрезентации. Научная новизна исследования состоит в концептуализации «эхобиографии» – формы цифрового нарратива, где субъект отражается в технологических посредниках, утрачивая прямой голос и становясь эхом собственного цифрового образа. Делается вывод о трансформации автобиографического акта в эпоху технофеодализма, где биографическое письмо переходит от формы самопознания к форме алгоритмического свидетельства.

Ключевые слова: патография; биографический дискурс; цифровая культура; эхография; субъективность; медиальная репрезентация; технофеодализм.

Цитирование: Вавилов П.С. Патографический дискурс как стратегия жизнеописания: патография биографии и эхография нарциссизма // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 4. С. 14–22. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-4-14-22>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Вавилов П.С., 2025

Павел Сергеевич Вавилов – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социальной философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

SCIENTIFIC ARTICLE

P.S. Vavilov

Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan, Russian Federation

E-mail: pavlinblin@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0009-0000-6989-459X>

Pathographic discourse as a strategy of life-writing: the pathography of biography and the echography of narcissism

Abstract: this article explores pathographic discourse within contemporary philosophical reflections on the biographical genre. The main objective is to analyze the role of pathography as both a method and a narrative strategy of life-writing in the context of digital culture. The methodological framework combines hermeneutic, psychoanalytic, and media-philosophical approaches, integrating medical and humanistic knowledge. The empirical material includes intellectual biographies of philosophers and scientists, along with theoretical texts concerning the digital subject. The study identifies the heuristic potential of pathographic analysis, which reveals the interplay between the bodily, psychological, and media dimensions of human subjectivity. The results

demonstrate that every biography is, to some extent, patographic, as it inevitably reflects symptoms of illness, memory, and technogenic mediation. The research novelty lies in the conceptualization of "echobiography" as a new form of digital narrative, wherein the subject becomes an echo of their mediated image, losing direct authorship and authenticity. The article concludes that in the era of techno-feudalism, biographical writing is transformed from an act of self-knowledge into algorithmic testimony, while pathography emerges as a critical tool for understanding the mediated nature of contemporary identity.

Key words: pathography; biographical discourse; digital culture; echography; subjectivity; medial representation; techno-feudalism.

Citation: Vavilov, P.S. (2025), Pathographic discourse as a strategy of life-writing: the pathography of biography and the echography of narcissism, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 5, no. 4, pp. 14–22, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-4-14-22>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Vavilov P.S., 2025

Pavel S. Vavilov – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Department of Social Philosophy, Kazan (Volga Region) Federal University, 18, Kremlyovskaya St., Kazan, 420008, Russian Federation.

Введение

«Все люди смертны. Сократ – человек. Следовательно, Сократ смертен» – данные строки представляют собой не только классический пример силлогизма, а еще и имплицитное указание на трагический исход легендарной биографической ситуации афинского мудреца, с которой знаком каждый знаток философии. История философии знает немало «тёмных» эпизодов: античный правитель и мыслитель Периандр в порыве ярости лишил жизни свою супругу, ожидавшую ребенка; философ Аристипп обвинил одного из «семи мудрецов» в кровосмесительной связи; Диоген Синопский получил от Пифии совет заняться «переоценкой ценностей», истолковав пророчество как призыв к фальшивомонетчеству; философы Аркесилай и Лакид приняли свою участь из-за неумеренного потребления неразбавленного вина, а проповеди Гегесия были столь мрачны, что толкали его слушателей на самоубийство. Даже глава платоновской Академии Спевсипп запятнал себя жестокостью, велел сбросить собаку в колодец. Более поздние времена также не лишены мрачных сцен. Шопенгауэр в гневе столкнул старуху с лестницы, а Ницше, потрясенный видом избиваемой лошади, в слезах обнял животное.

Парадоксальным образом упоминание тех или иных мрачных подробностей из жизни «великих» философов в педагогической практике способно пробуждать интерес к философии. Однако узнав, что философ – такой же небезгрешный человек, не-офит может испытать разочарование как в личности мыслителя, так и в самой нравственной норме, которую философия перформативно провозглашает своим идеалом. Этот нравственный идеал, канонизированный философской традицией, был заложен Сократом, чья жизнь и учение, по свидетельствам современников, находились в полном соответствии друг с другом. Также возможно, что казусные факты из биографии философов пробудят интерес аудитории к философскому знанию в целом.

Но стоит ли самому биографу выносить на свет подробности о «великих» людях? Отечественный исследователь Л.Г. Ионин, опубликовавший в 2022 г. интеллектуальную биографию социолога М. Вебера, отмечает, что «даже если оставаться внутри гуманитарного или культурологического знания, необходимость исключения из рассмотрения по морально-этическим причинам интимных подробностей жизни и тел исторических персон совсем не очевидна» (Ионин 2022, с. 79). История фиксирует, что в 1898 году М. Вебер, в тот период профессор Фрайбургского университета, известный своей исключительной научной продуктивностью, пережил тяжелый нервно-психический кризис. «Ночные кошмары и сексуальные желания, мазохистский характер которых некоторым комментаторам кажется очевидным, приводят к тому, что Вебер задумывается о кастрации как о решении своих проблем. Врач рекомендует ему этого не делать» (Каубе 2016, с. 365).

Таким образом, мы видим, что современному биографу рано или поздно придется работать с весьма деликатным жизненным материалом, но особенно, если объект его исследования является его современником. Для этих вполне вероятных «скелетов в шкафу» нужен особый дискурсивный способ рассмотрения, который можно описать в дискурсе патографического анализа. В этом отношении особо важно учитывать, что современный субъект, «обреченный оставлять цифровые следы, становится всё более уязвим для дискредитации, так как он в любой момент может стать дискредитирующим и дискредитированным одновременно» (Вавилов 2023, с. 26).

Цель настоящего исследования – проанализировать роль патографического метода в стратегиях жизнеописания, выявить его эвристический потенциал и возможные ограничения в современной (прежде всего цифровой) культуре.

Ход исследования

Для начала определим, что патографический дискурс исследует жизнь и творчество через призму влияния психических и физических заболеваний. Этот подход, балансирующий между медицинским и гуманитарным знанием, позволяет интерпретировать (авто)биографические тексты, рассматривая их не только как продукт рационального мышления, но и как следствие телесного и психического опыта автора.

Советский философ и теоретик биографического метода в философии Э.Ю. Соловьев так проводит методологические различия между биографами: «патография возводится в идеал биографии; под "объективными методами" все чаще понимают разоблачающие упрощения и редукции... Там, где биограф-герменевтик говорит о самоидентификации, об обретении самости и призвания, биограф-патограф видит растождествление с чуждым и болезненным, которое поначалу воспринималось индивидом как часть его собственного Я. Растождествление это трактуется, то как борьба (С. Цвейг), то как стойческое самоотстранение (К. Ясперс), то как трезвая ирония, обеспечивающая последующие культурно-приспособительные сублимации (З. Фрейд)» (Соловьев 1981, с. 48–49).

Как подметил один из героев романа «Земля обетованная» выдающегося биографа XX века А. Моруа: «невроз создает художника, а искусство лечит невроз» (Моруа 2015, с. 116). Исходя из этого замечания можно долго блуждать по замкнутой герменевтической логике: чтобы понять произведение искусства, нужно понять невроз, умея разбираться в клиническом вопросе, а чтобы выявить этиологию невротического заболевания, необходимо увидеть их причины в «истории болезни» художника, которого нужно знать вне истории его болезни. Однако, чтобы не застрять в такого рода исследовании, необходимо выявить прежде всего мотивы биографа, о которых упоминает З. Фрейд в работе, посвященной Леонардо: «Патография вообще не стремится понять достижения великого человека; ведь никого нельзя упрекать в том, что он не совершил того, чего никогда не обещал. Подлинная причина неприятия иная. Ее открывают, если принимают в расчет, что биографы совершенно своеобразным способом зафиксированы на своем герое. Далее они посвящают себя работе по идеализации, которая стремится *включить великого человека в ряд своих инфантильных образцов, скажем, воскресить в нем детское представление об отце*. Они утоляют это желание, принося в жертву индивидуальные черты его облика, сглаживая следы его жизненных борений с внутренними и внешними противоречиями, не допуская в нем никаких остатков человеческих слабостей или несовершенства, а в таком случае действительно

предлагают нам холодный, чуждый образ-идеал вместо человека, которого мы могли бы воспринимать как дальнего родственника» (Фрейд 1995, с. 201). Фрейд утверждает: сопротивление патографическому жанру вызвано не заботой о репутации героя, а бессознательными психологическими механизмами самих биографов (их инфантильной потребностью в идеальных фигурах-заемителях, например, отца), которые мешают увидеть живого человека и истинные глубины его психики. В этом отношении можно также экстраполировать эту мысль и на читателей, которые не хотят знать нечто «грязное» о великом, так как эта мысль запятнает репутацию «отца». Не углубляясь в психоаналитический дискурс, следует высказать основную максиму (фрейд-лакановского) психоанализа, что любая биография патографична, так как мы все в той или иной степени нарциссы-невротики.

Патография как жанр

Как явствует из приведённого текста Фрейда, может сложиться впечатление, будто он стал первым патографом, предложившим образец патографического исследования жизни Леонардо или Достоевского. Однако, как справедливо отмечает отечественный исследователь данного жанра И. Сироткина, патография к тому времени уже имела столетнюю историю. Первые известные патографии были посвящены Сократу (1836) и Паскалю. Их автором стал французский врач Луи-Франсуа Лелю. Сам термин «патография» появился несколько позже. Его ввёл в научный оборот немецкий невролог П.Ю. Мёбиус, опубликовавший патографические исследования жизни Гёте, Шопенгауэра и Шумана. За этими пионерами последовала волна патографических работ, создававшихся преимущественно врачами психиатрических учреждений. Эти тексты находили своего читателя, предлагая публике ретроспективные «диагнозы великим пациентам», обнаруживая, например, эпилепсию у Л.Н. Толстого или описывая эпилептические симптомы у писателей Серебряного века. Масштаб явления иллюстрирует тот факт, что в период с 1960 по 1984 года было опубликовано свыше тысячи работ о болезнях выдающихся людей (Сироткина 2008). До такого «бума» данная мода имела и своих противников. Например, русский философ Г.Г. Шпет в 20-е г. XX века отмечал, что «до сих пор историки и теоретики "литературы" шарят под диванами и кроватями поэтов, как будто с помощью там находимых иногда утензилий они могут восполнить недостающее понимание сказанного и черным по белому написанного поэтом» (Шпет 1989, с. 464). Также и Ж. Деррида в работе «О грамματοлогии» предупреждал: «вычитывание "симптомов" из литературы – нет ничего более банального, школярского, наивного» (Деррида 2000, с. 314).

Пользуясь статусом экспертов в области человеческой психики, патографы претендуют на обладание знанием, недоступным неспециалистам. Известно, что философия Ницше и его биография неразрывно связаны с кульминацией его жизни в образе сумасшедшего философа. Психиатрик Р.П. Энрикес в обзоре литературы по медицинскому диагнозу Ницше выделил три типа интерпретации заболевания, последовательно возникших как альтернативные объяснения срыва Ницше в Турине: (1) повествования о сифилисе («демонически-патологические»); (2) повествования о функциональном психозе («героико-пророческие»); (3) другие повествования об органических заболеваниях, кроме сифилиса («научно-реалистические») (Henriques 2018). Этот вечный нарратив о связи безумия и гениальности сохраняет привлекательность в публичном поле. Однако сама патография остаётся в плену романтического дискурса, где разворачивается борьба между гением и безумцем, неизменно завершающаяся триумфом гения.

Как заключает Сироткина, патография – жанр спорный, а «причины его популярности одновременно являются его уязвимыми местами» (Сироткина 2008, с. 236). Согласно Дж. Уилтширу, патография – неудачный, но закрепившийся термин для мемуаров об опыте болезни, так как границы жанра так же размыты, как и границы самой болезни. Патографию условно можно разделить на два типа. Первый – это повествование, написанное пациентом, аналогичное автобиографии. Второй – это повествование, написанное третьим лицом, аналогичное биографии. Оба варианта отличаются от традиционных жанров автобиографии и биографии тем, что в центре патографии происходит столкновение и сосуществование разнородных точек зрения; жанр охватывает как «признательные» тексты самих больных, так и рассказы близких, часто выходя за рамки медицины и «чистых» нарративов о болезни, прячась в романы, философские эссе, социологические тексты или практические руководства. Как подчёркивает Уилтшир, важнейшая черта современной патографии – это одновременное присутствие пациента как субъекта рассказа, говорящего от первого лица, и как объекта медицинского опыта, о котором идёт повествование (Wiltshire 2000, p. 409).

В этом отношении не перестает быть дискуссионной темой сама психиатрическая диагностическая практика работы с биографическим материалом. В современной психиатрии дисциплина строится на автобиографиях и биографиях, которые предоставляют необходимые инсайты в жизнь пациента. Эти материалы получают врачам из различных документов и интегрируются в медицинскую историю больного. Различие между «историей пациента» и «историей болезни» заключается в их охвате: первое охватывает полный

жизненный нарратив пациента, в то время как второе фокусируется на прогрессии симптомов и расстройств. При работе с живым пациентом формулировки включают активное взаимодействие для обеспечения точности. Однако, по признанию израильского психиатра И. Зислина, «сегодня врачи в клинике, мягко говоря, мало обращают внимания на то, что говорит больной, и часто с легкостью маркируют высказывание пациента как "нелепое", или "глупое", или, того хуже, "болезненное" – без какого-либо намека на глубокий анализ» (Зислин 2023, с. 12). Психиатры «лечат» болезнь, ее нарратив, в то время как пациент «отсутствует». Кто же способен намекнуть на «глубокий анализ», если не философы и психиатрики? И только ли психиатрический дискурс может говорить о патографичности биографического текста?

Тоталитаризм биографической записи или биографируя цифровых «крепостных»

В современной эпохе наблюдается радикальное изменение форм биографического нарратива. Речь идёт уже не о традиционной биографии, создаваемой субъектом о самом себе или фиксируемой профессиональным биографом. Биографическое измерение субъекта становится медиатизированным и визуальным. К тому же, как подчёркивает Я. Варуфакис, сегодня обыденные пользователи цифровых платформ, предоставляющие данные, создающие контент и выполняющие труд – зачастую безвозмездно (например, в форме отзывов, публикаций в социальных сетях и проч.) – становятся своего рода «крепостными», прикрепленными к платформам ради цифрового выживания или доступа к социальным связям (Варуфакис 2025, с. 7).

Метафора «крепостных» позволяет провести параллель с феодальной системой, в рамках которой биографии подданных отсутствовали как жанр, а их жизни не рассматривались как достойные фиксации в историографии господствующих классов. Сегодня мы наблюдаем аналогичный поворот, где частная жизнь пользователей, формально не рассматриваемая как «биография» в классическом смысле, всё же становится объектом фиксации – только не гуманитариями, а цифровыми инфраструктурами. Возникает вопрос: кому будет принадлежать право на интерпретацию этих данных? Не окажется ли «археология цифрового» делегированной исключительно вычислительным системам, большим языковым моделям и квантовым компьютерам? Можно представить, что в недалеком будущем любой может прочесть нашу жизнь по нашим сегодняшним поисковым запросам в интернете и другим цифровым следам, по нашей работе с интерфейсами, нашим «селфи», по личной «зашифрованной» переписке в мессенджерах. В этой *параноидальной* фантазии можно позавидовать историкам будущего, так как наша (авто)биография *не перестает не писаться*. Пред-

мет и объект биографии оказывается размыт. Материал «цифровой» биографии становится «потокowym» и «версионным», так как запись жизни не фиксируется раз и навсегда, а постоянно редактируется, ремиксируется и переиндексируется платформами и пользователями, что меняет критерии достоверности и полноты повествования (Arthur 2009, p. 11).

Сегодняшние цифровые медиа и их интерфейсы радикально изменяют условия автобиографического акта. Платформы, алгоритмы, базы данных становятся не только пространствами фиксации памяти, но и ее операторами. Они структурируют, фильтруют, приоритезируют и модифицируют (протезируют) индивидуальные формы самофиксации, превращая их в элементы управляемых цифровых архивов. То, что раньше было внутренним актом рефлексии, превращается в транзакцию с платформой, в параметр профиля, в метаданные.

Таким образом, биография в условиях технофеодализма всё чаще становится переходной формой между частным и публичным, между человеческой автобиографической рефлексией и машинной обработкой цифровых следов субъекта. Это не только трансформация жанра, но и сдвиг в самой антропологической и политической функции биографии: от формы самопознания к форме надзора, управления и алгоритмического профилирования. В этом отношении такая цифровая биография обретает черты патографичности, так как в обществе возрастают нарциссические установки, связанные с признанием и поиском идентичности.

Автобиография как нарциссическое экспонирование

Согласно Э. Кэмпбэллу в статье «Нарциссизм как этическая практика? Фуко, аскетизм и этика становления», «современное общество, называемое *автобиографическим*, характеризуется поворотом к культуре нарциссизма, в которой этика коллективной жизни затмевается эгоистической “эстетикой существования”» (Симонова 2011, с. 39). Автобиография представляет собой форму нарративной рефлексии, через которую субъект конструирует образ себя – не просто как носителя биографических данных, а как литературно организованного персонажа. Эта практика изначально носит *нарциссический* характер. В этом аспекте можно указать на упоминание Р. Жирара о своей биографической скромности: «Я не утаиваю свою биографию, но не хочу быть жертвой нарциссизма, к которому все мы склонны» (Хэвен 2021, с. 9).

В современных культурных и философских интерпретациях нарциссизм рассматривается как симптом более широких социальных и технологических трансформаций. Существуют демаркации нарциссизма по «здоровому» и «патологическому типу». Причем «патологический нарциссизм

выражается не только в завышенной самооценке, высокомерии, недостатке эмпатии и жажде привилегий, но и в неустойчивости самооценки, сверхчувствительности к критике (те самые тонкокожие нарциссы Розенфельда), ипохондрической уязвимости, молчаливых мечтах о величии и отчуждении, стыде и страхе публичных выступлений» (Линдхарди 2025, с. 29), но и различных обсессивных формах. Так, в эпоху цифровых медиа всё чаще говорят о «нарциссической культуре» или даже о «сетевом нарциссизме». Один из наиболее ярких интерпретаторов этого феномена – философ Б. Гройс, который в книге «Апология Нарцисса» утверждает, что «современный Нарцисс снимает селфи и распространяет их через «Фейсбук» и «Инстаграм» (Компания Meta Platforms Inc., владеющая социальными сетями Facebook («Фейсбук») и Instagram («Инстаграм»)), по решению суда от 21.03.2022 признана экстремистской организацией, ее деятельность на территории России запрещена.» (Гройс 2024, с.11). Здесь нарциссизм уже не просто личностная черта, а структурный элемент цифрового субъекта, вовлечённого в бесконечный процесс самопредставления, визуальной саморепрезентации и управления образом «Я» в медиaprостранстве. Этот нарциссический субъект «жертвует своими потребностями, своим внутренним миром ради взгляда другого», и следовательно, данный нарцисс является «попыткой «превратить себя в произведение искусства, в экспонат из песни группы «Ленинград», это самообъективация и открытость взгляду другого» (Либерман 2024).

Получается ли так, что для субъекта его (авто)биографический проект становится экспонированным произведением искусства? Если признать существование процессов тотальной биографизации общества с его тягой к авто/биографированию, то сегодня каждый индивидуальный (авто)биографический проект *не* перестает *не* реализовываться. Устремленный как в прошлое путем рефлексии, так и в будущее, доверяясь публичному экспонированию, проект является удобным способом нарциссической репрезентации. Но нас интересует другая проблема, а именно: *что* заставляет людей включаться в процессы своей (авто)биографизации. Почему нарциссическое себялюбие является условием (авто)биографического акта? Для этого необходимо обратиться к «биографии» Нарцисса – отсутствующего «нулевого пациента» данной конструкции.

Эхобиография нарциссизма

Миф о Нарциссе – отправная точка, позволившая философским и психологическим дискурсам сконструировать понятие себялюбия (Исаев 2023), (Першин 2022), (Шишов 2022), (Krizan and Herlache 2018). Сегодня Нарцисс стал удобной фигурой в качестве критики постиндустриального

общества потребления, тем самым являясь субъектом «нетерпеливого желания и опережающего потребления» (Разинов 2019, с. 7).

Фрейд проводил разницу между первичным и вторичным нарциссизмом. Первичный нарциссизм обращён на себя (без объектных связей с другими), с которого начинается психическое развитие человека; нормой развития считается выход из такого состояния. Вторичный же проявляется в проецировании либидинальной энергии на объекты. В то время как психоаналитический взгляд Фрейда являет собой одну из главнейших точек зрения на эту тему, следует отметить, что первый анализ явления был сделан еще ранее Х. Эллисом (1898), соединившим миф о Нарциссе с понятием аутоэротизма как восприятия себя в качестве сексуального объекта. Иначе говоря, история субъекта – это история его любви к себе. «Истории Эдипа и Нарцисса предлагают готовую модель для структурного психоаналитического исследования автобиографии. <...> В субъекте именно нарциссическая природа это и "радикальная инаковость" бессознательного препятствуют тотальной автобиографии. Поскольку Нарцисс не может правильно прочесть своё отражение в воде, а путь исполнения пророчества остаётся вне осознанного контроля Эдипа, критик автобиографии становится необходим. Он указывает на слепоту Нарцисса и способствует прозрению Эдипа» (Ryan 1976, p. 34).

На наш взгляд, более трагичной и эвристичной в данной истории предстаёт судьба не Нарцисса, а нимфы Эхо. В овидиевской трактовке Нарцисс отверг все предложения любви, в том числе Эхо, которая была вынуждена повторять последние услышанные фразы (в мифе она также повторяла и звук ломающихся костей Нарцисса). Лишённая своего голоса, Эхо становится средством подтверждения и валидации нарциссического «Я». Её судьба маркирует структурную невозможность диалога в такой системе, где Другой используется лишь в качестве резонатора. В этом смысле искусственный интеллект также представляет собой эхо – механизм, вынужденный воспроизводить чужое, но выдаваемое за «своё».

Философ Ж. Деррида в документальном фильме о себе, обращаясь к аудитории нью-йоркских студентов и указывая на присутствие съёмочной группы, поднимает фундаментальный вопрос: «что происходит со статусом свидетельства, если признать, что классическое определение свидетельства исключает вмешательство записывающих устройств?» («Деррида» [Видеозапись]) Эта реплика указывает на кризис традиционного понятия свидетельства, построенного на непосредственности и уникальности речевого акта, не опосредованного техническими медиаторами. Проблемы социального, политического и фило-

софского значения развития новых медиа («телетехнологий») отражены в беседе «Эхографии телевидения» между философами Ж. Деррида и Б. Стиглером в 1996 г. Несмотря на то, что в работе много говорится о фонографии и спектрографии, само понятие «эхографии» не раскрывается. Можно предположить, что эхография связана с «мертвой», призрачной обратной связью, а медиа репрезентируют то, чего уже нет. «Именно поэтому, когда мы знаем – находясь в лучах софитов, перед объективом, слушая собственное эхо, – что момент "live" сможет быть воспроизводимым, что он уже воспроизводим, что смерть с ним соседствует, – всё равно знаем: смерть уже здесь» (Derrida 2002, p. 39).

Мы можем заключить, что эхография – это уловка Эхо, чтобы обратить внимание Нарцисса на себя («Но Эхо в своей любви и бесконечной одарённости устраивает так, чтобы в повторении последних слов Нарцисса говорить таким образом, чтобы слова становились её собственными» («Деррида» [Видеозапись])). В этом отношении «преданные» ИИ имеют такое же свойство, постоянно обращая на себя наше внимание, «цитируя» нас. Мифическая Эхо, по словам Деррида, «создавала иллюзию цитирования, за Нарциссом, там, где повторенный фрагмент вновь становился целой фразой, изобретенной, уникальной и изреченной, для того, кто сможет расслышать ее в своем собственном слове, изреченном Эхо, так, чтобы признаки ее печати не навлекли на нее божественной мести. Например, Нарцисс: "Здесь кто-нибудь есть?" – "Есть", ответила Эхо ("equis adest?" и "adest" ответ Эхо)» (Деррида 2007, с. 219). Таким образом, если мы допускаем мифологического Нарцисса как фигуру для репрезентации «себялюбия», то мы должны следовать овидиевской истории о нарциссизме до конца, где Нарцисс без Эхо невозможен.

Выражаясь метафорически, из всего сказанного ранее можно сказать, что (авто)биограф-Нарцисс «слышит» эхо. Пытаясь уловить припомненное, он формирует узнаваемый нарратив о жизни, особенный автобиографический дискурс. Деррида определяет под дискурсом не действительную произносимую речь, а «оживление вербального выражения неким желанием-сказать, "интенцией", которая может физически оставаться молчаливой, что на ней существенно не сказывается» (Деррида 2012, с. 193–194). Это «желание-сказать» можно проиллюстрировать на примере очерков интеллектуальной биографии Г. Шпета «Я пишу как эхо Другого». Собранные биографом эгодокументы Шпета – это не только «литературный факт», в котором, наличествуют бытовой, автобиографический, интеллектуальный информационный уровни, но и то, что составляет «эхо "жизненного мира"» вместе с дневниками, заметками на полях

прочитанных книг (Щедрина 2004, с. 41). Биограф слышит Эхо, биограф слышит нарциссическое «желание-сказать» в общей культурной стратегии жизнеописания субъекта.

В этом смысле вся речь – лишь эхо отсутствующего оригинала. Эхо предстаёт не просто звуком, но явлением техномедиа в цифровую эпоху. Переход от «Я свидетельствующего» к «Я, регистрируемому интерфейсом» знаменует собой не просто технологическую трансформацию, но глубокий онтологический и эпистемологический сдвиг в способах субъективности. Свидетельство становится неотделимым от медиума его фиксации, а автобиография – неотделимой от алгоритма, который ее курирует. Наши цифровые следы скажут больше, чем мы можем сказать.

Выводы

Патографический дискурс в современной культуре и философии биографического жанра раскрывает пределы человеческой субъективности, демонстрируя, что никакое жизнеописание не может быть «здоровым» в классическом смысле. Каждая биография оказывается патографической, поскольку описывает человека как носителя его телесных, психических, а в цифровую эпоху и медиальных симптомов.

Патографический подход, по сути, разрушает героическую модель биографии, раскрывая не возвышенные идеалы, а болезненные напряжения между самостью и инаковостью, нормой и патологией, живым и медиальным. Если классическая биография стремилась к канонизации субъекта, то патография показывает его уязвимость, зависимость от тела, общества и технологий.

Медиаплатформы усиливают нарциссические тенденции, превращая самолюбование в массовую практику. Социальные сети формируют «комплекс Бога», создавая иллюзию идеального Я, контролирующего свое публичное восприятие. Это ведет к усилению нарциссической зависимости от внешнего признания и подтверждения собственной значимости. В цифровом контексте патографическая перспектива обретает новое измерение, в котором жизнь субъекта становится непрерывно записанной, архивируемой и алгоритмически интерпретируемой. Цифровая биография уже не принадлежит самому субъекту, она превращается в эхобиографию, где человек слышит лишь отражения собственного «Я» в бесконечном зеркале машинных и медиальных реплик.

В этом смысле метафора Эхо становится ключевой, где каждая биография обречена на повторение чужого, а каждый нарциссизм есть отражённый образ желания быть услышанным Другим. Современный биограф и автобиограф – фигуры Нарцисса и Эхо одновременно, их «желание-сказать» всегда производит резонанс, но никогда не

совпадает с подлинным голосом. Современная культура (авто)биографии представляется как форма нарциссической экспозиции, где болезнь, память и медиальность становятся неотделимыми аспектами человеческого образа. Рекурсивный аутоэротизм проявляется в социальных медиа, где субъективность конструируется через постоянное свидетельство о своей жизни. В этом смысле нарциссическая культура в невозможности самопознания формирует не без посредничества новые формы идентичности, основанные на внимании к вниманию другого.

Источники фактического материала

Деррида [Видеозапись] / реж. К. Дик, Э.З. Коффман; продюсер Джейн Доу; дистрибьютор Zeitgeist Films. США: Jane Doe Films, 2002. URL: https://vk.com/video-52526415_456244272 (дата обращения: 11.10.2025).

Библиографический список

Arthur, P.L. (2009), Digital Biography: Capturing Lives Online, *Auto/Biography Studies*, vol. 24, no. 1, pp.74–92.

Derrida, J. and Bernard, S. (2002), *Echographies of Television: Filmed Interviews*, Polity Press, Cambridge, UK.

Henriques, R.P. (2018), Turin's breakdown: Nietzsche's pathographies and medical rationalities, *Ciência & Saúde Coletiva*, vol. 23, no. 10, pp. 3421–3431.

Krizan, Z. and Herlache, A.D. (2018), The Narcissism Spectrum Model: A Synthetic View of Narcissistic Personality, *Personality and Social Psychology Review*, vol. 22, no. 1, pp. 3–31.

Ryan, M. (1976), Self-De(con)struction [Review of A Structural Study of Autobiography: Proust, Leiris, Sartre, Levi-Strauss, by J. Mehlman], *Diacritics*, vol. 6, no. 1, pp. 34–41.

Wiltshire, J. (2000), Biography, Pathography, and the Recovery of Meaning, *The Cambridge Quarterly*, vol. 29, no. 4, pp. 409–422.

Вавилов П.С. Дискредитация субъекта в цифровую эпоху: опыт концептуализации // Семиотические исследования. 2023. Т. 3. № 2. С. 21–28. DOI: <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-2-21-28>.

Варуфакис Я. Технофеодализм: что убило капитализм. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2025. 304 с.

Гройс Б. Апология Нарцисса. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2024. 112 с.

Деррида Ж. О грамматологии. Москва: Ad marginem, 2000. 520 с.

Деррида Ж. Чреватые. Четыре размывки Колетт Дебле // Vita cogitans. 2007. № 5. 2007. С. 213–224.

Деррида Ж. Форма и «желание сказать»: примечание к феноменологии языка // Деррида Ж. Поля философии. Москва: Академический проект, 2012. С. 193–194.

Зислин И. Очерки антропологической психиатрии. Москва: ИД «Городец», 2023. 416 с.

Ионин Л.Г. Драма жизни Макса Вебера. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 384 с.

Исаев А.В. Нарциссизм и нигилизм как проявления аксиологического кризиса культуры // Обсерватория культуры. 2023. Т. 20. № 2. С. 128–135.

Каубе Ю. Макс Вебер: жизнь на рубеже эпох. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 600 с.

Либерман С. Цифровой Нарцисс. К вопросу превращения мифов в мемы // Teller.Media. 2024. URL: <https://teller.media/czifrovoj-narcziss-k-voprosu-prevrashheniya-mifov-v-memu/> (дата обращения: 11.09.2025).

Линдгарди В. Мы все нарциссы? Феномен нарциссизма от мифологии до патологии. Москва: АСТ, 2025. 192 с.

Моруа А. Земля обетованная. Москва: Азбука, 2015. 285 с.

Першин Ю.Ю. Наступление нарциссической культуры: заметки на полях // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14. № 2. С. 149–163.

Разинов Ю.А. От Эдипа к Нарциссу: по краям общества потребления // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2019. № 1. С. 3–14.

Симонова О.А. Кэмпбелл Э. Нарциссизм как этическая практика? Фуко, аскетизм и этика становления // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 2011. № 1. С. 39–51.

Сироткина И.Е. Патография как жанр: критическое исследование // Медицинская психология в России. 2011. № 2. URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer10.php (дата обращения: 10.09.2025).

Сироткина И. Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века. Москва: Новое литературное обозрение, 2008. 272 с.

Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования. Статья первая // Вопросы философии. 1981. № 7. С. 48–49.

Фрейд З. Художник и фантазирование // Фрейд З. Психология бессознательного. Москва: Республика, 1995. С. 176–211. URL: <http://freudproject.ru/?p=12548> (дата обращения: 01.09.2025).

Хэвен С.Л. Эволюция желания. Жизнь Рене Жирара. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. 448 с.

Шишов М.С. Первичный и вторичный нарциссизм в теории психоанализа: особенности и проявления // Концепт. 2022. № 12. С. 96–110.

Шпет Г.Г. Сочинения. Москва: Правда, 1989. 602 с.

Щедрина Т.Г. «Я пишу как эхо другого...»: Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. Москва: Прогресс-Традиция, 2004. 448 с.

References

Arthur, P.L. (2009), Digital Biography: Capturing Lives Online, *Auto/Biography Studies*, vol. 24, no. 1, pp.74–92.

Derrida, J. and Bernard, S. (2002), *Echographies of Television: Filmed Interviews*, Polity Press, Cambridge, UK.

Henriques, R.P. (2018), Turin's breakdown: Nietzsche's pathographies and medical rationalities, *Ciência & Saúde Coletiva*, vol. 23, no. 10, pp. 3421–3431.

Krizan, Z. and Herlache, A.D. (2018), The Narcissism Spectrum Model: A Synthetic View of Narcissistic Personality, *Personality and Social Psychology Review*, vol. 22, no. 1, pp. 3–31.

Ryan, M. (1976), Self-De(con)struction [Review of A Structural Study of Autobiography: Proust, Leiris, Sartre, Levi-Strauss, by J. Mehlman], *Diacritics*, vol. 6, no. 1, pp. 34–41.

Wiltshire, J. (2000), Biography, Pathography, and the Recovery of Meaning, *The Cambridge Quarterly*, vol. 29, no. 4, pp. 409–422.

Vavilov, P.S. (2023). Discrediting the subject in the digital age: an experience of conceptualization, *Semiotic studies*, 2023, vol. 3, no. 2, pp. 21–28.

Varoufakis, Y. (2025), *Techno-feudalism: what killed capitalism*, Ad Marginem Press, Moscow, Russia.

Groys, B. (2024), *Apology of Narcissus*, Ad Marginem Press, Moscow, Russia.

Derrida, J. (2000), *Of grammatology*, Ad Marginem, Moscow, Russia.

Derrida, J. (2007), Pregnant: four washes of Collette Deblé, *Vita cogitans*, no. 5, pp. 213–224.

Derrida, J. (2012), *Form and “the desire to speak”*: a note on the phenomenology of language, in Derrida, J., *Fields of philosophy*, Akademicheskii proekt, Moscow, Russia, pp. 193–194.

Zislin, I. (2023), *Essays in anthropological psychiatry*, Gorodets, Moscow, Russia.

Ionin, L.G. (2022), *The drama of Max Weber's life*, Delo RANEPА, Moscow, Russia.

Isaev, A.V. (2023), Narcissism and nihilism as manifestations of the axiological crisis of culture, *Obseratory of Culture*, vol. 20, no. 2, pp. 128–135.

Kaube, J. (2016), *Max Weber: life at the turn of the era*, Delo RANEPА, Moscow, Russia.

Liberman, S. (2024), Digital Narcissus: on the transformation of myths into memes, *Teller.Media*,

[Online], available at: <https://teller.media/czifrovoy-narcziss-k-voprosu-prevrashheniya-mifov-v-memy/> (Accessed 11 Sep 2025).

Lingiardi, V. (2025), *Are we all narcissists? From mythology to pathology*, AST, Moscow, Russia.

Maurois, A. (2015), *The promised land*, Azbuka, Moscow, Russia.

Pershin, Y.Y. (2022), The advance of narcissistic culture: notes in the margins, *Idei i Idealy*, vol. 14, no. 2, pp. 149–163.

Razinov, Y.A. (2019), From Oedipus to Narcissus: at the margins of consumer society, *Vestnik Samar-skoi Gumanitarnoi Akademii: Filosofiya. Filologiya*, no. 1, pp. 3–14.

Simonova, O.A. (2011), Campbell E. CAMPBELL E. Narcissism as ethical practice? Foucault, askesis and an ethics of becoming, *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya II: Sotsiologiya. Referativnyi zhurnal*, no. 1, pp. 39–51.

Sirotkina, I.E. (2011), Pathography as a genre: a critical study, *Meditinskaya Psikhologiya v Rossii*, no. 2, [Online], available at: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer10.php (Accessed 10 Sep 2025).

Sirotkina, I. (2008), *Classics and psychiatrists: psychiatry in Russian culture of the late 19th–ear-*

ly 20th centuries, New Literary Observer, Moscow, Russia.

Soloviev, E.Yu. (1981), Biographical analysis as a type of historical-philosophical research: first article, *Voprosy Filosofii*, no. 7, pp. 48–49.

Freud, S. (1995), *The Artist and Phantasy*, in Freud, S., *The psychology of the unconscious*, Re-spublika, Moscow, Russia, pp. 176–211, [Online], available at: <http://freudproject.ru/?p=12548> (Accessed 1 Sep 2025).

Haven, S.L. (2021), *Evolution of desire: the life of René Girard*, NLO, Moscow, Russia.

Shishov, M.S. (2022), Primary and secondary narcissism in psychoanalytic theory: features and manifestations, *Koncept*, no. 12, pp. 96–110.

Shpet, G.G. (1989), *Works*, Pravda, Moscow, Russia.

Schedrina, T.G. (2004), “*I write as an echo of Another... ”: essays in the intellectual biography of Gustav Shpet*, Progress-Tradition, Moscow, Russia.

Submitted: 10.10.2025

Revised: 25.11.2025

Accepted: 02.12.2025